

17.12.91.

103

Лит. газета - 1991 № 491 - с. 4

«Сотби» —
это так
по-
пастернаковски

Письма великого русского поэта ушли в Лондон, а не в Переделкино.

Дважды за эти дни я был в здании, на котором развевается флаг с надписью: «Сотби. Основан в 1744 году». Когда пришел в первый раз, здесь, во всемирно известной фирме, ставшей такой же неотъемлемой частью Лондона, как Биг Бен или Колонна адмирала Нельсона, правила бал тишина. Лишь в зале аукционов некоторые посетители штудировали книги, предназначенные для завтрашних торгов, листали красочный каталог.

Мне дали папку, в ней — желтые, потрескавшиеся от времени листы. Размешистый почерк. Некоторые страницы написаны карандашом, другие — синей ручкой. «Золото мое, Боричка! Я дико занят. На мне две пустые квартиры, дача, самые разнообразные хозяйственные заботы...» Подпись — Борис Пастернак. И дата — 5 сентября 1941 года.

Восемь писем давнему другу, актеру Борису Ливанову, включая знаменитую фотографию с автографом, сделанную в апреле 1949 года (писатель смотрит

задумчиво и грустно), охватывают период с 1941 года до смерти Пастернака. Они очень личные, рассказывают о драматических событиях — война, запрещение на родине «Доктора Живаго», присуждение Нобелевской премии, тяжелая болезнь...

— Эти яркие человеческие документы представляют громадный интерес, — говорит один из ведущих экспертов «Сотби» доктор Сюзан Уортон. — Еще никогда письма Пастернака не публиковались на Западе. Так что нынешняя коллекция в значительной степени закрывает «белые пятна».

На следующий день старинный дом на Нью-Бонд-стрит было не узнать. В комнатах, коридорах и особенно в зале аукционов — множество людей.

Слышу слова «пять тысяч пятьсот фунтов стерлингов» и удар молотка. Продано первое письмо Пастернака...

Три письма дополнили коллекцию крупного британского бизнесмена, еще

одно купил посредник из Швейцарии, а первоначальная цена остальных оказалась слишком высокой.

В тот же вечер были проданы редкие книги, изданные в нашей стране в начале века (некоторые за полторы — две тысячи фунтов) и письма Карамзина, Крупской (они оценены в восемь тысяч шестьсот фунтов), Хрущева, а на следующее утро — более 150 (!) писем Дмитрия Шостаковича.

— Такого потока предложений из вашей страны никогда не было, — рассказал мне представитель фирмы по связям с общественностью Дести Бонд. — К нам поступают картины, книги, рукописи, письма, личные вещи. Поэтому мы стали обращать большее внимание на сохранность предмета (прежде всего картин и книг), и если он в плохом состоянии — не пропускаем на торги.

Итак, распродажа поистине бесценных сокровищ, а также документов, которые были бы украшением любого музея или

библиотеки, приобрела характер эпидемии. Приятно, что наших литераторов, музыкантов, художников высоко ценят. Но утешает ли это?

Во время аукциона я снова и снова вспоминал музей Пастернака в Переделкине, по которому долго ходил в минувшем августе. Как там берегут память о писателе, с какой любовью показывают все, связанное с ним! В «Сотби» мне не сказали, откуда попала к ним переписка Пастернака — это коммерческая тайна. Однако вернее всего — от родственников Бориса Ливанова. Конечно же, лучшим местом для этих пожеланных листков был бы музей в Переделкине.

Но там не предложили бы фунтов стерлингов...

В ударах аукционного молотка в «Сотби» эхом отзывается время.

Михаил ОЗЕРОВ,
соб. корр. «ЛГ»

ЛОНДОН

Пастернак Б.